

Г. А. Климов

К ЭТИМОЛОГИИ ДВУХ КАРТВЕЛЬСКИХ ГЛАГОЛОВ ОБЛАДАНИЯ

Происхождение целой совокупности древнегрузинских описательных образований, играющих роль *verba habendi*, не вызывает сомнений. Установлено, например, что в характеризующихся определенными дистрибуционными особенностями словоформах типа *madgs // midgs, mic (< miʒs), miwis, masxen // misxen* 'у меня есть (то)', 'я имею (то)' и др. налицо по существу простые глагольные основы семантики 'стоять', 'лежать', 'сидеть'¹. В принципе столь же прозрачны аналогичные формы, встречающиеся в других картвельских языках. Так, в сказуемом лазских фраз посессивного содержания *guri ʒapeʒi gʒiziti* 'сердце у него было крепкое' или *gzas taʒxa meʒin* 'по дороге есть ручей' нетрудно усмотреть глагольную основу семантики 'лежать'. В то же время в сванских (балзем., лашх.) словоформах *mār* 'у меня есть то (неодушевл.)' и *miri* 'у меня есть он (одушевл.)' имеем формы нейтральной и объектной версии глагола *r-* 'быть'.

Значительно бóльшие трудности представляет этимология, и прежде всего — семантическая реконструкция, двух сложившихся в картвельских языках специальных *verba habendi* с базами **ɟaw-* : *ɟw-* 'иметь (об одушевл. объектах)' и **ɣw-* 'иметь (о неодушевл. объектах)', специфическая референтная соотношенность которых отчетливо ощущается и в их современных продолжениях: ср. груз. *ɟaws*, мегрел. *ɟuns (< ɟuns)*, лазск. *ɟoun*, сван. *taɟa* 'у меня есть', с одной стороны, и мегрел. *miɣi*, лазск. *miɣin* и сван. *miɣwa* 'у меня есть', с другой (в грузинском исконная основа второго ряда заменена). Немногочисленные нарушения такой соотношенности обычно объясняются метафорой персонификации отдельных неодушевленных референтов: ср. груз. *mas hɟaws mankana* 'у него есть машина', лазск. *baɟis feluʒa uɟounɟu* 'у старика была лодка' (примеры свидетельствуют об инверсивности обуславливаемого обоими глаголами построения предложения с подлежащим в форме дательного падежа и дополнением — в форме именительного).

Исконно иная семантика обеих рассматриваемых глагольных основ подсказывается не только соображением общего порядка,

¹ G. Deeters. «Haben» im Georgischen. — «Sprachgeschichte und Wortbedeutung». Festschrift Debrunner. Bern, 1954, стр. 109—119.

согласно которому *verba habendi* есть категория определенной языковой формации, структура которой отчетливо ориентирована на передачу субъектно-объектных отношений (специальные глаголы обладания вполне сложились, по-видимому, лишь в части представителей номинативного строя). В ее пользу говорят и чрезвычайно широкие этимологические связи этих основ в картвельских языках и отмеченный факт инверсивности задаваемой ими модели предложения.

Прежде всего бросается в глаза большая группа производных глаголов, образованных от обеих баз посредством превербной деривации. Ср., напр., груз. *aγeba* 'брать', *miγeba* 'принимать', *ṣaγeba* 'забирать' 'уносить', *gaγeba* 'открывать' *ṣemoγeba* 'вводить' и др. при **γw-*. С этими же основами имеем дело в ряде глагольных форм свершения и становления: ср. груз. *igo* < **i-γw-a* 'был', лазск. *iqu* 'стал', 'сделался', с одной стороны, а также лазскую основу *γod-* < *γw-ed* 'делаться' и мегрельскую *γol-* 'делать, -ся', с другой. Уже для уровня грузинско-занского единства реконструируется и производная основа **γw-an* 'вести', 'нести (об одушевл.)'². Высказано и предположение, что по существу та же основа налицо в грузинско-занском **qaw-* : *qw-* 'створачивать молоко', к которой восходит именной дериват **qw-el-* 'сыр'³.

Таким образом, семантическая сфера глагольных лексем с общекартвельскими базами **qaw-* : *qw-* и **γw-* оказывается ныне настолько широкой, что древнейшее значение обеих с неизбежностью рисуется очень абстрактным. Бесспорными, однако, представляются два следующих обстоятельства: а) обе основы должны были обладать значением некоторого обобщенного действия или состояния, б) каждая из них была соотнесена с определенным классом референтов — одушевленных, в одном случае, и неодушевленных, в другом.

Оба этих обстоятельства, а также формальный момент — обусловленность обоими картвельскими глаголами обладания инверсивного построения предложения — достаточны, чтобы обратить внимание на ближайшую структурную аналогию обоим, встречающуюся в языках активной типологии. В последних нередко функционирует подкласс так называемых «классифицирующих глаголов» (*classificatory verbs*), основы которых характеризуются обобщенной семантикой наличия, нахождения и т. п. (переводимых обычно через 'has taken a position, is sitting // lying there, there is') и которые строго соотнесены с референтами различных разрядов — одушевленного и серии неодушевленных. Ср., например, *ʔawéé* 'sithí' 'there's a baby', *tse si* ʔá 'a rock has taken a position',

² Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 210.

³ М. А. Шахидзе. Из древнегрузинской лексики. — «Вестник Института рукописей АН Груз.ССР», т. II (1960), стр. 63.

tsín sithá 'there's a stick' и т. п. в языке навахо ⁴. Следует подчеркнуть, что, используя для передачи посессивного содержания, эти глаголы также обуславливают «инверсивное» построение предложения: ср., напр., морфологическую структуру словоформы *ši-sí-ń-t-tí* 'you have me lying' на языке навахо, где *ši-* префикс 1-го лица, *ń-* — 2-го лица, *sí-* — аффикс стативного глагола, *t-* — версионный показатель и *tí* — основа 'наличествовать лежа (об одушевл.)' ⁵.

В представителях активного строя встречается и дальнейшая аналогия обоим общекартвельским глаголам — параллелизм словообразовательных потенций «классифицирующих» глаголов. Она состоит в том, что посредством превербной деривации здесь также строятся производные глаголы и, прежде всего, семантически соответствующие картвельским, типа груз. *აყება*, *მიყება* и т. д.

Приведенные соображения позволяют реконструировать древнейшую семантику основы **gaw-* : *gw-* как 'находиться', 'наличествовать (об одушевленном референте)' и основы **γw-* — как 'находится', 'наличествовать (о неодушевленном референте)'. Предлагаемые решения могут служить частным свидетельством в пользу гипотезы об активном прошлом картвельских языков.

⁴ Ср., напр., Mary R. Haas. Classificatory Verbs in Muskogee. — IJAL, vol. 14, N 3 (1948), стр. 242—245; W. Davidson, L. W. Elford and H. Hoijer. Athapaskan Classificatory Verbs. — Сб. «Studies in the Athapaskan Languages». University of California Publications in Linguistics. Vol. XXIX. Berkeley and Los Angeles. 1963, стр. 30—41.

⁵ См. H. Hoijer. Cultural Implications of Some Navaho Linguistic Categories. — «Language», v. 27, N 2 (1951), стр. 118.